

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.5>

Гарипова Гульчира Талгатовна

**"НОМО SOMATICUS" И "ПРЕВРАЩЁННАЯ ФОРМА" В БЕСТИАРНОЙ ТРАДИЦИИ
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Статья посвящена анализу проблемы художественной эстетизации оборотнических моделей и кодов "homo somaticus" в современной русской литературе. Автор раскрывает вариативные составляющие художественной оппозиции "человек - зверь" как основы художественного оборотнического бинаризма, определяет динамику моделирования экзистенциально означенных бестиарных неомифов "телесного бытия" в соотнесении с оборотническими анаморфозами и метаморфозами. Основная цель статьи - проанализировать специфику современной репрезентации оборотнических моделей "homo somaticus" в отечественной литературной традиции в ракурсе экзистенциально-мифологической феноменологии "превращённой формы".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/8/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 30-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 05.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.5>

Статья посвящена анализу проблемы художественной эстетизации оборотнических моделей и кодов “homo somaticus” в современной русской литературе. Автор раскрывает вариативные составляющие художественной оппозиции «человек – зверь» как основы художественного оборотнического бинаризма, определяет динамику моделирования экзистенциально означенных бестиарных неомифов «телесного бытия» в соотношении с оборотническими анаморфозами и метаморфозами. Основная цель статьи – проанализировать специфику современной репрезентации оборотнических моделей “homo somaticus” в отечественной литературной традиции в ракурсе экзистенциально-мифологической феноменологии «превращённой формы».

Ключевые слова и фразы: А. Ким; В. Пелевин; Д. Липскеров; homo somaticus; оборотничество; бестиарий; метаморфоза; неомиф; тело-трансформ; симулякр.

Гарипова Гульчира Талгатовна, к. филол. н., доцент

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

gulyagaripova1@rambler.ru

«НОМО SOMATICUS» И «ПРЕВРАЩЁННАЯ ФОРМА» В БЕСТИАРНОЙ ТРАДИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Характерная для русской литературы XX века тенденция интегрирования в художественных авторских неомифах процессов мифологизации (сопровождающейся процессами демифологизации и ремифологизации) и экзистенциализации концептуализировала процесс эстетизации мифологических концепций миропорядка в контексте экзистенциальных установок и ситуаций. По мнению В. В. Заманской, «экзистенциальное сознание исследует бытие человека в онтологических, экзистенциальных, метафизических плоскостях. Экзистенциальный метод претендует на роль метода познания реальности и создания художественной модели мира. <...> Мы рассматриваем экзистенциальное сознание как универсальную субстанцию художественного и философского мышления. <...> Лишь такое интегрированное пространство позволит адекватно оценить парадигму художественного мышления XX столетия, выразившую его сумрачное мирочувствие» [5, с. 39-40].

Использование инструментов экзистенциального метода познания даёт альтернативные возможности перепрочтения художественных неомифов в экзистенциальном контексте. Подобный синтетизм порой составляет основное качество индивидуальных авторских систем писателей, которые определённый уровень «экзистенциального императива» удачно согласуют с системой основных «мифов», вычленяемых в качестве определённого нравственно-этического кредо, в контексте которого и осуществляется онтологическое развитие мира. Ключевым критерием художественной парадигмы XX века в области синтезирования мифосознания и экзистенциального типа художественного сознания становится синтетизм, построенный на интерференции оппозиций, который и дефинирует архитеконику «мироподобных структур» (В. Хализев). Попытка акцентировать синтетическую идентификацию оппозиции «сознание – тело» привела к возникновению в художественной модели «телесного бытия» с акцентацией на антропологическом концепте “homo somaticus” («человека телесного») определённой формы бинаризма, который «все отношения между знаками сводит к бинарным структурам» [6, с. 59]. Тело рассматривается как знаковая система, в рамках которой формируется достаточно сложная многоуровневая поэтика телесной деформации/деструкции/трансформации, определяющая целую систему метаморфоз не только человеческого тела, но и сознания.

В «телесной» миромодели современной русской литературы основные стратегии эстетизации касаются разрушения классических оппозиций «тело – душа» / «плоть – дух». По утверждению Н. Бердяева, «плоть столь же метафизична и трансцендентна, как и дух, и плотская половая любовь имеет трансцендентно-метафизические корни» [1, с. 236]. Актуальная для русского литературно-философского символизма тенденция к эстетическому осмыслению тела (плоти) в его соотношении с духом и душой человека (*тело — душа — дух*) перестала координироваться с аксиологически заданными личностными характеристиками, а понятия «духовное» и «телесное» предстали как две формы экзистенциального инобытия, постулирующие диалогические оппозиции «свой/чужой», «Я/Эго», «Я/Оно».

В современной литературе феномен экзистенциального инобытия ярко представлен в системе мифологии «трансформированное тело». Бинаризм «превращённой формы», образуемой в процессе трансформаций, предопределяет, в первую очередь, современную бестиарную традицию и дефинирует художественную специфику оборотнического неомифа, формирующегося по принципу анаморфозы (наложение «тела и тела») или метаморфозы (превращение в ходе художественного онтогенеза «тела в тело»). В качестве идентификационной характеристики «превращённых форм» М. К. Мамардашвили вводит понятие «*сознательность*» и «*внеположенная данность бытия*», подчёркивая тем самым вероятность рациональных превращений тела в тело, а не иллюзорных фантомов: «Спецификой превращённой формы является действительно (а не в сознании наблюдателя) существующее извращение содержания или такая его переработка, что оно становится неузнаваемым прямо. <...> Превращённые объекты обладают особого рода существованием, несводимым

к субъективным фикциям и иллюзиям сознания. <...> Взаимодействие в сложных системах создает, таким образом, качественно новые явления, дополнительные «формы жизни» предмета» [10].

В новейшей гуманитарной научной парадигме сформировалось новационное научное междисциплинарное направление, актуализирующее задачу изучения оборотнических инвариантов и вариантов эстетизации «превращенной формы» «*homo somaticus*» в культуре и искусстве на уровне визуальных, музыкальных и вербальных кодировок бестиарных «форм жизни». В рамках проблемного поля ежегодных Международных «бестиарных» конференций, организованных гуманитарным клубом «Интрада» и проводимых на базе РГГУ и ИМЛИ, и Международной конференции «Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации» (Москва, РАНХиГС, 11-12 декабря 2015 года) исследовательское направление художественной «оборотнической» бестиологии концептуализирует изучение культурфилософских репрезентаций оборотнических моделей «*homo somaticus*» в художественном тексте. В современном литературоведении основной научный интерес связан с поисками мифопоэтического контекста бестиарных оборотнических авторских художественных стратегий. Так, в статье О. Ю. Осьмухиной, А. А. Сипровой «Мифопоэтический контекст романа В. Пелевина «Священная книга оборотня»» исследовательский акцент ставится на поисках игровых постмодернистских контаминаций, с помощью которых в авторском неомифе трансформируются мифологические архетипические смыслы [12]. В статье А. В. Касьянова «Образ волка в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня»» аналитический ракурс смещается в сторону поиска ценностно-нравственных координат образов-трансформов; высвечивается суть оборотней как «суть людей, утративших веру в собственную самореализацию» [8, с. 69]. Оборотничество есть некая форма представления, как в инаковом, отличном от людей, образе сохранился утраченный человеком код нравственности. Среди работ, анализирующих оборотнический миф в произведениях Д. Липскерова, следует отметить исследовательские проекты Г. А. Махровой «Художественное своеобразие романной прозы Д. Липскерова 1990-х – начала 2000-х гг.» [11], в котором анализ сюжетно-композиционной и жанровой организации оборотнического мифа вписан в интерпретацию интертекстуального поля романов писателя, и О. В. Бугославской «Постмодернистский роман: принципы литературоведческой интерпретации («Роман» В. Сорокина и «Последний сон разума» Д. Липскерова)», концентрирующийся на выявлении оборотнического мифа как формы репрезентации синтеза постмодернизма с элементами неотрадиционализма, приводящего к надэстетической специфике романа, а оборотничество представлено как постмодернистская игра, лишённая конфликтности [4].

Большинство исследователей художественный феномен оборотнического неомифа связывают с анализом игровых стратегий как поискового ключа к мифологически означенным смысловым интерпретациям контекста или интертекста. В связи этим оставшаяся за рамками исследований проблема анализа непосредственно анаморфных и метаморфных стратегий оборотничества в контексте проблемы бинаризма «тел-трансформов» как художественных вариантов природных «превращённых форм» является **актуальной**. Определяемый в данной статье мифопоэтический анализ специфики моделирования в современной литературе кодов «телесного бытия» в соотнесении с художественными оборотническими анаморфозами и метаморфозами, интегрированный с экзистенциальным методом исследования художественных экзистенциологом бестиарных образов, структурируемых по принципу «превращённой формы», представляется **новационным**. Отсюда **цель** статьи – исследовать авторские мифомодели «превращённых форм» оборотнического миробытия как бестиарные «аналоги целостного бытия». Концептуальными являются **задачи** выявления специфики бинаризма оборотнического неомифа в бестиарной традиции современной русской литературы; определения вариантов ценностной, психологической, духовной идентификации героя-оборотня с животным или неосознанных форм телесного превращения человека в зверя (или наоборот), что подразумевает и текстовой анализ системы бинарностей «человек/зверинность», «тело/инотело», «телесность/сознательность», «свой/чужой» и др.

В литературной модели важно различать эзотерическое превращение (вследствие феномена измененного состояния сознания (ИСС)) или физическое перевоплощение. В художественной модели оборотничества клиническая ликантропия (как форма психического состояния зоантропии, при котором меняется самовосприятие – человек мыслит себя животным) интегрируется с мифологическим оборотничеством и формируется сложная система типов. Процесс телесного перевоплощения физических оборотней (тело-в-тело) и ментальных оборотней (сознание-в-сознание) основан на бинарности «своё – чужое» и становится основой сюжетографии или принципом оборотнического миромоделирования, составляет основу объективной субъективности (индивидуальной телесности), но в обоих случаях идентификационным локусом является изменённое состояние сознания, то есть «внутренняя субъективность». Бестиарные метаморфозы и анаморфозы продуцируют целую систему таких художественных образных кодов телесной «превращённой формы»: ликантропы (В. Пелевин «Проблема верволка в средней полосе», «Священная книга оборотня»), териантропы (А. Ким «Белка», Ю. Мамлеев «Учитель», Ю. Алешковский «Рыба», Д. Липскеров «Последний сон разума»), инсекты (В. Пелевин «Жизнь насекомых»), анаморфотропы (А. Ким «Посёлок кентавров», Т. Пулатов «Черепашка Тарази»), телесные фантомы (Ю. Мамлеев «Шатуны», Т. Толстая «Кысь») и т.д. Идентифицировать и дифференцировать специфику художественного моделирования таких видов зоантропической мета/анаморфозы, как ментальная трансформация, духовная трансформация и собственно телесная, возможно, только учитывая бинарность телесно-сознательного плана.

В современной русской литературе наблюдаются различные варианты «эстетической игры» с зоантропологическими бинарностями «телесности» и «сознательности» в образе «*Homo licanthropus*» (оборотень). В мифологии обретение «инотела» как основы телесного превращения, детерминированного прохождением

через лабиринт «тела в теле», означает, как правило, процесс обновления, преобразования или нового рождения. «Трансформированное тело» идентифицирует метафорические коды сознания (Я-сознание, Эго-интеграция, Супер-сознание и т.д.), содержащие в себе онтологическую память как основу бытийного гнозиса. В исследовании Я. В. Чеснова «Телесность человека: философско-антропологическое понимание» при анализе этоса телесности акцентируется коммуникативное качество «разомкнутого» в мир тела, несущего особое качество сознательности: «...поскольку мы сами являемся этими *множественными телами* (а не “сознаниями” своих тел)... то, конечно, нам было бы важно научиться размышлять о собственном телесном опыте не с позиции нормативной установки, а с позиции нашей возможности быть в живом мире в качестве живого, обладающего телом и “духом” существа. Я бы добавил: не просто “обладающего телом”, но и телом, которое (мною) обладает. <...> Тело, которое нами обладает, которое мы все пытаемся присвоить, но до конца так и не умеем это сделать, разомкнуто в мир. Через разомкнутость в нас входит природа. С ней то мы никак не можем справиться. Природное в нас можно обозначить метафорой “мышление тела”» [15, с. 5-6].

В повести А. Кима «Белка» мы сталкиваемся с экзистенциально-этической репрезентацией «органической антиутопии». Телесные метаморфозы героя-оборотня (вариант духовно-ментальной териантропии) предопределены ценностным возвращением в мифологическое «нравственное» прошлое, декодируемое современной сознательностью: «Я могу мгновенно превращаться в белку и обратно, принимать человеческий облик в минуты особенные... <...> Перевоплощения же происходят у меня при неизменности телесной сущности – просто моя душа вселяется в того или иного человека... <...> Каждое подобное перевоплощение для меня как краткий обморок, когда душа на время покидает тело; но бывают и затяжные обмороки, когда эта самая душа, словно истинная белка скачет зигзагами все новых перевоплощений, как по ветвям густого леса» [9, с. 10].

Собственно телесного представления объективированной «превращённой формы» нет. Белка-зверь служит в этой литературной репрезентации своего рода телесным индикатором нравственного «предела человека» и его экзистенциальным «двойником». Териантропические метаморфозы героя в повести постулируются А. Кимом как определённый «тест на человечность» (термин Ек. Вельмезовой). Смерть «человеческого тела», детерминированная отчуждённостью и трагедийностью современного мира, означает эсхатологическую конечность этого мира. Энтропия человеческой сознательности преодолима лишь через слиянность с сознательностью звериной «кинакости», эмблематически выражающей синкретическую первозданную энергию добра – единственно способную противостоять человеческому энтропийному сознанию.

Метаморфозу оборотнической объективно выраженной «превращённой формы» может предопределять экзистенциально значимая танатологическая дихотомия «*телесная смерть – смерть сознательности*». В этой связи интересно рассмотрение романа Д. Липскерова «Последний сон разума». «Иная телесность» становится основой для метаморфоз личностного сознания. Д. Липскеров в череде оборотнических превращений героев романа исследует смерть как феномен взаимооборотничества «телесности» и «сознательности». Для Д. Липскерова смерть и есть способ телесной метаморфозы, – от этого сложного процесса одновременного, совпадающего умирания-оборотничества не меняется нравственная составляющая любой формы экзистенции (*до и после*) – она важна сама по себе как данность вне категории смерти. Липскеров концептуализирует момент телесного страдания как единственно возможного условия познания смысла смерти. Душевное страдание обозначено экзистенциальными поисками Любви, отсутствие которой оборачивается желанием смерти, детерминируемой бесконечной чередой телесных превращений. Если у героя А. Кима меняется сознание, то у героев Д. Липскерова важны именно телесные превращения формы. Д. Липскеров в эстетической игре с телом-трансформом позиционирует феноменологический уровень иррационального выражения действий телесных превращений. По мнению М. К. Мамардашвили, «в подобных случаях под превращённой формой следует понимать не просто видимость, даже самую объективную, которая, казалось бы, доступна просто непосредственному, наивному взгляду, а внутреннюю форму видимости, ее устойчивое и воспроизводящееся ядро, выявление которого на феноменологическом уровне само по себе может быть результатом весьма сложного анализа» [10].

Смерть воспринимается в системе двух координат – оборотнических (смерть-перевоплощение/превращение) и онейросферических (смерть-сон). Во втором аспекте сомнологическое пространство смерти-сознательности и есть тот доминантный миробораз, который определяет «мироподобность» оборотнического мифа Д. Липскерова. Онейросфера смерти-сна создаёт иллюзию некоего единого пространства хаосмоса, в котором перетекаемость антропологической и зооморфной телесности соотносится с идеей существования единой формы «органической телесности», не разграничивающей сознательность на человеческую и звериную. Смерть понимается Д. Липскеровым не как состояние «ничто», тотального небытия, а как радикальная метаморфоза одного тела до качественно иного. Писатель использует тело-трансформ как метафорический образ-знак «инакобытия». Это метаформа инобытия сознания, когда в тексте проецируется один из вариантов виртуального мира как суррогата реальности (симулякра – по Бодрийяру). Тело-трансформ – это такое тело, которое подвергается анатомическим деформациям, в нем видится «маркированное отступление от нормы» [7] как знака «пограничной зоны» бытия. В нем акцентируется «безбрежная трансформация» телесности, метаморфозы которой создают эффект двойного распада мира – бытийного и экзистенциального.

Подобную стратегию оборотнического симулякра практикуют многие писатели постмодернистской эпохи. Например, в романе «Жизнь насекомых» В. Пелевина, используя инсектные мифологемы и «мироподобность» оборотнического мифа, создает сюжетографику онтомира-метаморфозы, синтезирующего в единый бытийный поток жизни людей-насекомых. А в рассказе «Проблема верволка в средней полосе» писатель, деструктурируя ненарушимую связь тела и сознания, «помещает» своего героя в онейрическое состояние психоделического

полузабытья, пребывая в котором он словно попадает в иное телесное измерение, раскрывающее самые тайные сокровенные «теневые» слои его экзистенциального сознания, которое в процессе телесного превращения изменяется в сотни раз. Телесность иной ликантропической «превращённой формы» позволяет герою ощутить себя частью целого, супраментального сознания Универсума, содержащего в себе память всех эпох, – коллективного бессознательного, по Юнгу. Новая телесность в сумме с памятью и определяет целостность сознания и бессознательного. Ощутить, осмыслить в себе эту память природного мира, соотнести её со своим Я – мучительно больно и порою невозможно, ибо человек, пребывающий в преддверии провидческого прозрения этой Истины, «смотрит в лицо смерти». Приятие этой Истины в себя означает перерождение-рождение в «превращённой форме» новой сознательности. По сути, для современного человека это единственная возможность через трансформированное тело обрести свое природное начало, восстановить разрушенное сознание, в котором утеряна память о своих личностных и всеобщих онтических праистоках сущего. В. С. Библер отмечал, что «главная особенность человеческой памяти заключается в том, что это уже не естественно-природная, а социально-культурная память. А поскольку культура – не что иное, как осознающая себя (философы сказали бы “рефлектирующая”) история человеческого развития... постольку культурная память не “механична”, не “телесна”, а исторична. <...> это всегда опыт новых и новых попыток справиться с энтропийными процессами “временности” – с необратимой тенденцией аннигиляции прошлого, растворения его в небытии» [3, с. 46].

В романе «Священная книга оборотня» В. Пелевин снимает вопрос ценностной составляющей процесса оборотничества. Телесная дихотомия обозначена как антитеза «созерцание ума – созерцание сердца»: «На самом деле “созерцание сердца” нельзя отделить от “созерцания ума”, потому что для правильного выполнения этой техники надо расслоить сознание на три независимых потока: 1) первый поток сознания – это ум, вспоминаящий все свои темные дела с незапамятных времен. 2) второй поток сознания – это ум, который спонтанно и неожиданно заставляет лису дернуть себя за хвост. 3) третий поток сознания – это ум, отрешенно наблюдающий за первыми двумя потоками и за самим собой. Третий поток сознания и есть, если совсем приблизительно, суть техники “созерцание ума”» [13].

«Герой пути» (термин Ю. Лотмана) А-Хули пребывает всё время в преддверии сна или смерти. Так писатель создаёт некую шкалу планов сознания. По мнению Сатпрема, одного из величайших практиков-философов, «всё, что случается, происходит именно на этих планах: наша жизнь, наш сон и наша смерть. Эта шкала охватывает всё, ничто не существует за её пределами, и всё, что есть, не только находится в её пределах, но и сосуществует там без всякого разделения. Жизнь, смерть и сон – это различные положения сознания внутри всё той же шкалы. <...> В любом случае ключом к нашему существованию – здесь или вообще где угодно – всегда является способность обладать сознанием...» [14, с. 96-97]. В. Пелевин пропускает своего героя через «различные степени реальности» (Шри Ауробиндо) с целью научить осознавать себя и бытие непрерывно как некую тотальную Реальность. Это попытка художественного создания своего рода **модели интегрального сознания**, которое способно воспринимать всё и сразу одновременно – жизнь-смерть-сон, настоящее-прошлое-будущее, пространство-время. Только пребывание в таком сознании может обеспечить познание единственной Истины о мире. И тогда человек сможет преодолеть разъединённость всего сущего и личности, разъятость на непримиримые, противоположные начала его души. Это сознание и есть измерение памяти мира – памяти о некогда существующем упорядоченном едином и целостном Универсуме бытия, в котором человек не был одинок и несчастен. Распад целостного бытия приводит к гибели цельной личности, к разъятости его сознательности и телесности, к смыслоутрате. Преодоление смерти-забвения и обретение истинного бессмертия-памяти достижимо лишь в трансцендентном бытии вне времени, вне объективных форм телесности, аналогом которому может служить триединство жизни-сна-смерти. А жизнь как бесконечный путь познания и движения по нему к Истине, неизбежно сопровождающийся страданием, есть смысл странничества и поиска человека-лисы А-Хули. В своих путешествиях по времени-памяти сознание А-Хули возвращается к первоначалу мира с тем, чтобы оттуда начать поиски ошибок пройденного человечеством пути. Во многом концепция В. Пелевина перекликается с теорией мира Германа Гессе, считавшего, что только из конца (трагедии «заката Европы», например) рождается начало, чтобы обрести новое, человек должен вернуться к своим истокам, «отважиться заглянуть в хаос»: «Возвращение к хаосу, возвращение к подсознательному, к бесформенному, к животному состоянию и ещё дальше за это состояние – возвращение ко всем началам. Не для того, чтобы там остаться, не для того, чтобы стать животным и превратиться в первичный белок, а для того, чтобы вновь сориентироваться, чтобы у истоков нашего бытия отыскать забытые импульсы и возможности развития, чтобы вновь начать сотворение, оценку, классификацию мира» [2, с. 13].

В. Пелевин опускает проблему соотношения иллюзии и реальности и выводит своего читателя на другой трансцендентный уровень – сосуществование разных возможных миров в плоскости онейрической иллюзии превращений. Героиня романа А-Хули увлечена проникновениями в пласты чужих изменённых сознаний и анализом чужих же экзистенциальных откровений, абсолютизированных в романе до уровня единственно истинной реальности. Писатель, таким образом, создаёт своеобразную сомнологическую модель «зеркала в зеркале». Следует отметить, что В. Пелевин акцентирует внимание на телесных трансформациях, которые не меняют сознание героя, а становятся способом выхода из лабиринта, локально замкнутого человеческой телесностью в некое сверхпространство гносеологического постижения сути не бытия (как обычно), а Человека. Телесная эволюция-метаморфоза становится в романе знаком культурной и нравственной деградации (волк-собака) или эволюции (лиса). Симулякр лисы (оборотень-кицунэ) включает в себе идею перерождения

мира мужских законов в мир женских законов. В литературе XX века большая часть оборотнических вариантов связана с мужским полом. В. Пелевину интересно проследить пограничное состояние мира через оборотническое противопоставление антитез гендерного плана. Он акцентирует внимание на этом и в «Жизни насекомых», и в «Священной книге оборотня». Д. Липскеров в романе «Последний сон разума» также создаёт гендерно полярный оборотнический мир. Любовь у Д. Липскерова регламентирует процессы метаморфоз, любовь у В. Пелевина представляет собой некий код будущего, который обрести можно только в череде телесных трансформаций. У В. Пелевина сознание определяет трансформации, у Д. Липскерова трансформации определяют уровни изменения сознания.

Таким образом, в современной художественной литературе оборотнический неомиф может быть идентифицирован как пратекст мироподобного мифообраза, а «превращённые формы» оборотнического миробытия выполняют функцию эстетизации мироподобного «аналога целостного бытия». Оборотничество высвечивает маргинальность мира и антитетичность современного миропонимания и мирочувствования на основе бинарностей социокультурного плана – «культура – цивилизация» / «антропоцентричность – телоцентричность»; психологического плана – «человек – зверь»; аксиологически-нравственного плана – «смерть телесная / жизнь духовная», вариативно развёрнутых в бинарностях «тело/телесность», «чужой/свой», «Я/другой» и т.д.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви // Русский эрос, или Философия любви в России: сборник / сост. и авт. вступ. ст. В. П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. С. 232-266.
2. Березина А. Г. Герман Гессе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 128 с.
3. Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность (философские раздумья о жизненных проблемах) // Этическая мысль: научно-публицистические чтения / отв. ред. А. А. Гусейнов. М.: Политиздат, 1990. С. 16-57.
4. Бугославская О. В. Постмодернистский роман: принципы литературоведческой интерпретации («Роман» В. Сорокина и «Последний сон разума» Д. Липскерова): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2001. 28 с.
5. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: диалоги на границах столетий: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. 304 с.
6. Западное литературоведение XX века: энциклопедия. М.: Intrada, 2004. 560 с.
7. Злыднева Н. В. Инсектный код и абсурд в авангарде [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.wikireading.ru/70131> (дата обращения: 23.05.2019).
8. Касьянова А. В. Образ волка в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Новый филологический вестник. 2008. № 2 (7). С. 69-74.
9. Ким А. А. Белка: роман-сказка. М.: Сов. писатель, 1984. 272 с.
10. Мамардашвили М. К. Превращение формы [Электронный ресурс]. URL: <https://metodolog.ru/00559/00559.html> (дата обращения: 23.03.2019).
11. Махрова Г. А. Художественное своеобразие романной прозы Д. Липскерова 1990-х – начала 2000-х гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2014. 22 с.
12. Осьмухина О. Ю., Сипрова А. А. Мифопоэтический контекст романа В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77). Ч. 2. С. 26-30.
13. Пелевин В. О. Священная книга оборотня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ndolya.ru/zhslovo/klassika/?r=psko&id=6> (дата обращения: 23.03.2019).
14. Сатпрем. Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания. Бишкек: Глобус, 2002. 240 с.
15. Чеснов Я. В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М.: ИФ РАН, 2007. 213 с.

“HOMO SOMATICUS” AND “TRANSMUTED FORM” IN BESTIARY TRADITION OF THE MODERN RUSSIAN LITERATURE

Garipova Gul'chira Talgatovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
gulyagaripova1@rambler.ru

The article analyses the problem of artistic aestheticization of lycanthropic models and “homo somaticus” codes in the modern Russian literature. The author considers variable components of the artistic opposition “human being – animal” as a basis of artistic lycanthropic binarism, identifies the dynamics of modelling the existing bestiary neo-myths of “corporeal existence” in correlation with lycanthropic anamorphoses and metamorphoses. The paper focuses on analysing the specificity of modern representation of “homo somaticus” lycanthropic models in the domestic literary tradition through the lenses of existential and mythological phenomenology of “transmuted form”.

Key words and phrases: A. Kim; V. Pelevin; D. Lipskerov; homo somaticus; lycanthropy; bestiary; metamorphosis; neo-myth; body-transform; simulacrum.